

Воспоминания узников Карлага

И ЭТО - ПОМНИТЬ!

СЛУЧАЙНОСТЬ...

Восемь лет пробыла в Карлаге моя мама - Екатерина Федоровна Дикая, арестованная в 1938 году в г. Благовещенске через два месяца после расстрела отца. Я в концлагерь не попала по чистой случайности - мой паспорт находился на прописке у коменданта.

Арестовывавший маму Макаров (так он нам отрекомендовался) мог бы, конечно, послать меня к коменданту за паспортом, но отчего-то не сделал этого.

Только поговорив с мамой на свиданиях, пока она была в тюрьме, и позже, уже через 8 лет после ее освобождения, дома я по достоинству оценила поступок того работника органов безопасности.

ЧСИР

Маме было едва за сорок. По ее воспоминаниям, которые я здесь привожу, в Карлаге трудилась она на общих работах, работала в поле, потом перевелась телятницей в отделение Березняки. Вспоминала, как много людей умирало от голода, простуд, холода, разных болезней - не хватало медикаментов. Лечились заключенные сами, как могли.

Она переболела малярией, но ей посчастливилось выжить... за счет телят. Телятам полагалось цельное молоко, ацидофилин, сливки. Несдобровать было телятнице, если надзор заметит, что она попила молока. Если погибнет теленок, то телятнице набавляли к сроку три года.

Однажды мама упала в обморок на работе - приступ малярии, и в это время один теленок не вернулся с пастбища. Спасла ее тоже заключенная по ст. 58-10 зоотехник Бондаренко, она составила акт, что теленок пал не по вине телятницы.

Осуждена моя мать была на 5 лет как ЧСИР, а пробыла в лагере все 8 - задержали «до особого распоряжения».

САДИСЬ НА СНЕГ!

Срок отбывала в Березняках, и уже после того как Карлаг рас-

В ЦЕНТРЕ "ТЕПЛУШКИ" - ПЕЧКА "БУРЖУЙКА". ФОТО ИЗ МУЗЕЙНО-МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «АЛЖИР».

КРАСНАЯ КОСЫНКА

МОСКВА

формировали, и мне довелось побывать на месте мамного заключения. Теперь это был совхоз «Березняковский». Бывшие заключенные рассказали о женщине из охраны, которая зверски издевалась над заключенными, заставляла больных женщин садиться на снег без белья, придумывала ужасные вещи, чтобы унижить человеческое достоинство. А бывший начальник Березняковского лаготделения позже, при встрече со мной, как-то обронил: «Я всегда знал, что никакие они не враги, а просто несчастные люди». Что касается меня, то после ареста матери я долго не могла устроиться на работу - нигде не брали дочь «врагов народа». После освобождения мама и многие ее подруги по лагерю остались недалеко от тех мест, где сидели, - куда было ехать без паспортов, без денег, без прописки, с клеймом «врага народа»?

Русский язык тогда я знала плохо - до этого жила на хуторе в Западной Белоруссии, под Гродно, училась в польской школе. Потом выучилась на портниху, там и познакомилась с Владимиром Лагодой и замуж за него пошла.

- Говори со мной по-русски, чтобы я его быстрее выучила, - просила мужа, а он смеялся, мол, зачем тебе русский, скоро в Польшу будет революция, мы вернемся домой.

Муж был коммунистом по убеждению, и когда его сталинское НКВД в 1937 году арестовало, он на суде пел «Интернационал». Муж требовал от меня, чтобы я носила красную косынку, отчего я не была похожа на других

женщин - они ходили в платках, а широких платьях, как старухи, а я была тоненькая, как стелек, и в красной косынке...

В этой косынке меня и арестовали в 1937 году, взяли прямо на работе. Просто сказали: «Давайте выйдем на полчаса». А получилось на 9 лет.

ТЮРЬМА

Привезли в Бутырку. Впихнули в камеру. Тогда я еще не знала, что в ту же ночь арестовали всех родственников моего мужа. Шесть месяцев провела я в камере Бутырской тюрьмы. Теснота стояла жуткая, спали вповалку, по команде переворачивались с боку на бок - лежали впритык друг к другу. Наконец, приговор - три года ссылки в Кустанай.

Повезли на вокзал. Везли через Ташкент, там, на вокзале, вдруг подошел худой небритый человек: «Вы Лагода? Ваш муж просил передать: встретитесь или нет, кто знает. А потому устривайте свою жизнь, как сможете...»

В Кустанае снова арест. Новый приговор - 8 лет лагерей. Теперь повезли в Карлаг. Суп-баланда с пшеном, пайка хлеба, черпак каши - такое меню в течение девяти лет. Иногда я задавала себе вопрос: «Неужели я еще живу?» Одежды зимней у меня не было, прислать ее не было кому - всех забрали по тюрьмам. На работу меня не выводили из-за этого. А потом определили нянечкой в детгородок на ЦПО (Центральное полеводческое отделение, недалеко от Долинки).

ДЕТГОРОДОК

Здесь свозили детей заключенных со всех отделений Карлага в возрасте от одного до семи месяцев, держали здесь до двух лет.

Детгородок стоял далеко от жилой зоны лагеря. Он не был окружен колючей проволокой, но порядки были лагерные. Нам, нянечкам, нельзя было спать, когда спали дети. Получалось, мы не спали ни днем, ни ночью. Требовалось - на детских простынках чтобы ни морщинки, матрасики постоянно набивать свежей соломой. Конвой проверял каждого, кто входил и кто выходил. Иногда «мамкам», так называли кормящих матерей-заключенных, которых приводили на кормление под конвоем с поля, где они работали, удавалось принести для нянечек картофелину или морковку, тогда у нас был праздник.

Уже после освобождения я получила письмо от одного из «моих» бывших малышей, которые жили у нас в детгородке Карлага до двух лет, и потом их распределяли по детским домам. Так вот он мне писал из детского дома: «Тетя Зина, приезжайте ко мне в детдом и привезите буханку хлеба, я хочу есть».

ШАРФИК

Мне помнится такой случай. Подруги за год до моего освобождения подарили мне красивый теплый шарфик из верблюжьей шерсти. Он меня так хорошо согревал! Но вот очередная проверка, обыски, вошли «вертуханы», давай все трясги. Старший надзи-

ратель Масевская так брезгливо отбросила в сторону мой несчастный шарфик - нельзя! Я заступилась за шарфик, почему же нельзя? Надзирательница за это выгнала мне 10 суток карцера.

Освободилась я, как и другие, после срока задержавшись на год в лагере - «до особого распоряжения». Шел 1946 год. Кругом была ништа. Мне предстояло начать жить сначала и снова - выжить.

З. ЛАГОДА
Кустанай
1990 г.

ЕСЛИ БЫ КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА МОГЛА ГОВОРИТЬ!

«РАЙ» НА КОСТЯХ

Если бы могла говорить оставшаяся здесь со старых времен колючая проволока! Она могла бы рассказать такие кошмары, которых не знало человечество.

Сейчас, когда восторжествовало новое время, наш долг, тех, кто еще остался, живых свидетелей тех лет, испытавших все ужасы заключения в советский концлагерь и клейменованных позорной кличкой «враг народа», - рассказать молодому правду о прошлом. И только правду! Пусть они поймут, что происходило в стране по имени СССР и никогда не допустят повторения подобного.

Бывшие работники Карлага вспоминают, что в Долинке был «райский уголок», были даже ресторан, танцплощадка, ухоженный аллеи - все это было, но для кого и чьим трудом созданное? Все это было на костях невинных людей...

Была, была там чудесная генеральская дача, были там прекрасные деревья, сиреневая аллея, березовая роща и березовая аллея до самого бассейна на той даче. Те, кто сажал эти деревья, ухаживал за этими цветами и аллеями, получали черпак баланды, ложку каши («варие глазки») и пайку хлеба в 400 гр.

Воспоминания узников Карлага собрала Екатерина КУЗНЕЦОВА, журналист г. Караганда

(Окончание следует)

Воспоминания узников Карлага

(Окончание.
Начало в намере
от 29 мая 2021 г.)

ДЕТГОРОДОК

Как я помню, недалеко от Долинки, позже в советское время это был совхоз «Карагадинский», на центральной усадьбе его находились огромная женская зона ЦПО и детгородок, где содержались дети заключенных матерей до двухлетнего возраста, потом детей отправляли по детским домам. Матерей водили на кормление под конвоем, который над ними зачастую куражился, всячески стараясь унижить и дать понять, что, мол, «какая она мать - враг народа» и не имеет права воспитывать ребенка.

Детей очень много умирало. В холодном коридоре стояло несколько бочек, куда трупки мертвых детей складывали, и там бегали крысы и часто грызли эти оконечившие трупки.

А каково матери? Набирали определенную партию мертвых детей и потом хоронили недалеко от детгородка (это кладбище частично дожило до наших дней - 2005 г.). Это там, где конечная остановка маршрута № 5 в совхозе «Карагадинский».

Так вот, направо от остановки было кладбище заключенных женщин и их детей. Сейчас там свалка, но кое-какие следы захоронения остались. Хоронили заключенных и детей «пачками», без гробов, вместо памятника столбики с дощечками - на них номер, а то и вовсе без nichего.

Как говорилось, «леклом спишет» (леклом - медработник, помощник лекаря).

ЛАГЕРНОЕ КЛАДБИЩЕ

Еще есть большое захоронение заключенных за Долинским маслозаводом, недалеко от трассы Шахтинск - Караганда. Там была большая зона, женская, или, как еще ее между собой женщины называли, «свиноарник» - там выращивали свиней для стола господ офицеров НКВД. Так вот, между маслозаводом и зоной было большое захоронение заключенных.

Если пойти по центральному арыку в совхозе «Карагадинский», да и не только там, стоят большие задумчивые тополя. Если внимательно присмотреться, на каждом дереве есть надпись или год, или инициалы, или даже фамилия, или имя, Крещено, буквы разрос-

лись, но некоторые прочесть можно. Под каждым деревом не одна жизнь поконится. Все «райские уголки» в Долинке - на костях невинных людей.

БАРКОВСКАЯ М.Н.

*Рица
Барковская Мария Николаевна, 1914 г.
рождения, осуждена ОСО НКВД СССР
по ст. 58- ЧСИР, 21.05.1940 г. в Долинке
родила дочь Барковскую Тамару.*

ЗДЕСЬ ВАМ ТЮРЬМА СОВЕТСКАЯ, А НЕ КАДЕТСКАЯ

СЕРДЦА ИЗ КАМНЯ

Моего мужа, Михаила Захарьевича Красичкова, арестовали в октябре 1937 года в Днепрпетровске. Служил он в Красной Армии, был командиром 30-

го полка. Через месяц арестовали меня, а сына 12 лет забрали в детский дом. Страшно вспоминать, как вырывали сына из моих рук, меня бросили в одну машину, его - в другую. Я дико кричала, но у этих зверей из НКВД сердца были из камня.

Ночью через весь город привезли в тюрьму. Надзиратель мне сказал: «Что кричишь, здесь тюрьма советская, не кадетская». Смысл этих слов дошел до меня поздне...

Завели в камеру, ужасную - женщины болше ста человек. У всех отобрали детей, все плакали и кричали.

В тюрьме просидела год. Мужа расстреляли в январе 1938 года.

Меня осудили на 5 лет лагерей. В Акмолинск везли нас в кошмарном вагоне. Ехали, плакали и... пели песню «Широка страна моя родная». Навсегда запомнила, как песня эта неслась за нашим эшеленом.

АЛЖИР

В Акмолинском отделении Карлага (26-я точка) работала на швейно-вышивальной фабрике. Назначили меня бригадиром по вышивке.

Руки заключенных женщин за колочей проволокой вышивали прекрасные изделия. Вышивание стало спасением для многих. Но на фабрике часто бывали простои, когда не было полотна, и тогда всех вышивальщиц отправляли на заготовку камыша. Камыш был главным строительным материалом и использовался для отопления.

Как мы выглядели? Фланелевые платья, самодельная телогрейка, мягкая обувь, тряпочный шлем на голову, только дырочки для глаз - так мы шли на заготовку камыша.

Мороз 40 градусов, ветер, птицы на лету замерзали. Кос-где лед проваливался, тогда промокала обувь, и мы шли, как в колодках, стуча по льду.

Делянки камыша были довольно далеко. Чтобы жать камыш быстро, приходилось снимать телогрейку, и мы работали в одних платьях. Надо было нажать 40 больших снопов, бригадир проверяла. За 40 снопов получали 800 граммов хлеба. Если не выработаешь, без хлеба сдохнешь.

От барака в столовую ходили по натянутому канату - такой дул ветер со снегом. Мороз, пурга, метель, глаза замерзают. Ничего не видно вокруг.

БУДНИ

Кормили не досыта. Меня долго не могли найти родственники, потом ко мне приехал на свидание мой брат, полковник. Тогда еще разрешали посылки, и многие их получали.

Отношение начальника к заключенным было в АЛЖИРе (Акмолинском лагере жен изменников родины, как его называли заключенные «жены») не очень суровым, скорее сочувственным, и начальник нам много чего разрешал по нашим просьбам. Работали мы все усердно, старательно.

В 1947 году срок кончился. Я жила теперь уже не в лагере, а за зоной. Сын к тому времени вырос и учился в военном училище в Юдино, под Москвой. Мне разрешили послать ему теплые вязаные вещи. Тогда в командировку в Москву сехал начальник - Юзипенко, и я попросила его передать их сыну. Он передал.

СВОБОДА?

После того как я получила разрешение выехать из лагеря, поехала в Наманган, Узбекскую ССР, где жила моя сестра.

Тяжело вспоминать страшное прошлое...

Я никогда не увидела больше своего сына...

*Е. КРАСИЧКОВА,
Минск
1989 г.*

...В ВОРОТАХ СТОЯЛ ВАХТЕР С КАРАБИНОМ

Мое имя Кароль Бета, сын Людвика. Я родился 17 апреля 1912 г. в Пшчине, воеводство Катовице. В период с февраля 1945-го по июль 1946 года я находился в Казахстане, в городе Караганда. Туда меня вывезли из Польши советские войска. В Караганде я работал на заводе им. Пархоменко.

По увольнению в июле 1946 года я не получил никакой справки о принудительной работе. Вместе со мной находились мои соотечественники Печка - переводчик русско-немецкий и Миллер - сварщик, еще шахтер Прохаска. Этих людей помню до сих пор.

Мы жили в бараках недалеко от барачков, в которых жили немецкие военнопленные. В нашем лагере врачом была женщина.

На завод мы шли 20 минут через пустыню.

На заводе по правой стороне находилась металлическая фабрика, потом находилась машинная мастерская, где стояли американские токарные станки, а следующая мастерская - слесарная, где я работал. Я, будучи слесарем, делал койки, Миллер их сваривал. Кроме того, я делал ведра из черной жести.

На противоположной стороне находились кузница и столовая, в которой мы ели обед. В воротах стоял вахтер с карабином.

*БЕТА КАРОЛЬ,
Польша,
m.Zielona 16
41-30Bytom
Polska
1993 г.*

Воспоминания узников
Карлага собрала
Екатерина КУЗНЕЦОВА,
журналист
г. Караганда